

забвенія и лѣности; не даждь, да, по недостатку любви къ трудамъ, содѣлаюсь въ тягость подобнымъ себѣ и постыжу въ себѣ образъ Твой! Сотвори, да буду бодръ на всякое дѣло благое, да непрестанно тружусь надъ воздѣланіемъ существа моего для вѣчности, и да все, что ни дѣлаю, дѣлаю для славы Твоей, Господи, а не изъ угожденія себѣ самому!

Села Новипки Свящ. В. Алтеев.

(Продолженіе будетъ).

Старинныя чувашскія вѣрованія.

Древняя вѣра чувашъ — шаманство — доселѣ существуетъ въ своей первобытной чистотѣ лишь въ захолустяхъ Сибири, у инородцевъ, относящихся къ одной съ чувашами этнографической семьѣ. Шаманство признаетъ единого верховнаго бога, обитающаго на небѣ, и множество подчиненныхъ божествъ, попеченію которыхъ поручены разныя на землѣ мѣстности и урочища, различныя статьи хозяйства и пр. Ихъ благодѣтельному дѣйствію противостоитъ враждебное черное существо (у чувашъ-киреметь, ирихъ¹⁾), которое старается дѣлать зло человѣку. Человѣкъ поставленъ въ полную зависимость отъ этихъ невидимыхъ и могучихъ существъ, неотразимо дѣйствующихъ на него, беззащитнаго. Ихъ можно умиловитъ только жертвами и заклинаніями при посредствѣ шамановъ (у чувашъ йомзей²⁾), которые одни таин-

¹⁾ Ирихъ—духъ исключительно злой; онъ поражаетъ человѣка разными болѣзнями: золотухой, сыпью, болѣзнью глазъ и пр. Изображеніе ириха, довелся простое, вырѣзывается изъ лубка, а иногда изъ дощечки, въ видѣ треугольника, четырехугольника, круга и т. п., и помѣщается въ лукошко, по преимуществу изъ вязовой коры. Лукошко подвѣшивается въ клѣти, на чердакѣ и пр.; а нѣкоторые ирихи живутъ въ лѣсу. Въ каждой деревнѣ бываетъ нѣсколько ириховъ; въ случаѣ болѣзни ириху приносятъ жертву: въ лукошко кладутъ круглыя оловяшки, кусочки хлѣба, мимеръ (чувашское лакомство изъ толокна и масла) и пр. Поселившись въ одномъ мѣстѣ, ирихъ уже не мѣняетъ его; лукошко можетъ пропасть, сгнить, сгорѣть вмѣстѣ съ зданіемъ, но ирихъ сохраняетъ свою силу и послѣ пожаровъ, и мѣстопробываніе его навсегда остается въ памяти чувашъ.

²⁾ Точное опредѣленіе слова „йомзей“—посредникъ между духами

ственно, непосредственно сносятся съ невидимыми существами и узнають отъ нихъ ихъ желанія.

Эти основныя идеи, какъ плодъ самаго первичнаго мышленія, обуславливають все міросозерцаніе шаманствующихъ инородцевъ, но ни у одного племени, тѣмъ болѣе у чувашъ, какъ племени менѣе другихъ даровитаго, не развиты въ подробную систему: простой до-нельзя быть не могъ создать разнообразія обрядовъ.

Предлагаемые ниже очерки чувашскихъ вѣрованій, обрядовъ и празднествъ ³⁾, помимо этнографическаго интереса, могутъ принести нѣкоторую пользу молодымъ священникамъ изъ русскихъ, поступающимъ въ чувашскіе приходы. Одинъ изъ принциповъ миссіонерства — знать отчетливо вѣрованія того народа, среди котораго предполагается распространять свѣтъ ученія Христова.

Свѣдѣнія о праздникахъ и пр. записаны со словъ крещеныхъ стариковъ-чувашъ, живущихъ въ Буинскомъ уѣздѣ; запись была ведена на чувашскомъ языкѣ, а потомъ близко къ подлиннику, въ большинствѣ случаевъ съ сохраненіемъ характерныхъ, свойственныхъ только чувашскому языку, оборотовъ и словъ, переведена на русскій языкъ. Во многихъ случаяхъ сохраненъ и складъ чувашской рѣчи, при приспособленіи, впрочемъ, конструкціи словъ примѣнительно къ требованіямъ русскаго языка; чувашская конструкція совершенно несвойственна русскому языку. Говоря, такъ сказать, устами самихъ чувашъ, мнѣ хотѣлось показать ихъ теперешнее отношеніе къ родной старинѣ, которой

и людьми; йомзь у чувашъ то же самое, что у русскихъ—знахарь, ворожея, колдунъ. Довольно сложныя обязанности йомзи берутъ на себя преимущественно женщины—старухи, но бываетъ, что практикуютъ и мужчины.

³⁾ Не претендуя на абсолютную полноту, эти очерки все же захватываютъ кругъ чувашскихъ празднествъ въ теченіе всего года и важнѣйшіе обряды, совершаемые въ экстраординарныхъ случаяхъ: во время болѣзней, падежа скота, бездождія и пр. Здѣсь же замѣчу, что подъ вліяніемъ христіанства обряды утратили свою языческую объективность; такъ чисто къ языческимъ обрядностямъ, съ теченіемъ времени, примѣшались христіанскіе элементы—крестное знаменіе, восковыя свѣчи, изображеніе на фигурахъ изъ тѣста креста (см. напр. далѣе—„Поклоненіе дну рѣки“) и пр.

они еще такъ недавно всѣ держались крѣпко. Для видимости мѣста, переведенныя близко къ чувашской рѣчѣ, поставлены въ кавычкахъ („“).

„Въ старину много было разныхъ обычаевъ и обрядовъ, которыхъ люди почти до настоящаго времени держались непоколебимо. Справляли эти обряды для того, чтобы умилостивлять разныхъ духовъ—ириховъ и въ особенности киремети⁴⁾. Мѣсть, гдѣ обитаютъ киремети, и въ настоящее время много, но теперь онѣ не такія страшныя, какъ въ старину,—не такія сердитыя, какъ раньше. Въ старину одно названіе киремети страшно пугало людей. „Это дѣло не по нраву киремети; она противъ этого дѣла!“—эти слова заставляли людей какое угодно предпринимать дѣло бросить, или же какое угодно дѣло сдѣлать, потому что если разсердишь киреметь, то ужъ очень трудно снова ее разжалобить, умилостивить. Старинные люди считали гнѣвъ киреметей великимъ, крѣпкимъ и страшнымъ; вѣрили, что такая всемогущая киреметь—что захочетъ, все можетъ сдѣлать; дожди, урожай хлѣбовъ, цѣльность и сохранность скота, защита отъ пожаровъ и пр.—все зависитъ отъ киреметей. Въ особенности же, когда захвораетъ кто изъ семейныхъ, или же кого постигнетъ внезапное несчастіе; тогда начинали тужить и горевать: „ахъ, какая это киреметь схватила (покарала)? которую киреметь мы не умилостивили?“ И ѣздили отъ одного йомзи къ другому, прося помощи и указанія причины несчастія, и израсходовались и тратили свое имущество.

„У йомзей старинные люди были какъ-бы въ подчиненіи и никогда не выходили изъ ихъ воли; считали ихъ за людей сильныхъ, могучихъ и всѣ слова ихъ исполняли безпрекословно. Въ деревнѣ йомзя почитали больше всѣхъ; почитали за старшаго, большаго человѣка; онъ казался великимъ человѣкомъ, очень и очень много знающимъ. Поэтому на пирахъ—пирушкахъ

⁴⁾ Киреметями называются не только самые духи добрые и злые, но и мѣста ихъ обитанія: дупла старыхъ деревьевъ, рощицы, овраги, верховья рѣкъ и пр.

онъ сажался на самое почетное, переднее, мѣсто; вездѣ йомзѣ былъ въ почетѣ; противъ него никогда никто холоднаго слова не говорилъ“.

„Йомзей остерегались огорчать, — вѣрили, что йомзи своимъ гнѣвомъ, своей злобой могутъ слѣлать людямъ все, что угодно. Въ йомзинъ домъ никто не смѣлъ приходить съ какимъ-нибудь маловажнымъ дѣломъ и никто не смѣлъ входить въ тотъ домъ, куда йомзѣ приходилъ. Въ несчастъѣ, бѣдѣ и разныхъ невзгодахъ ничего не дѣлали безъ йомзей; они были улаживатели дѣла, выяснители причинъ кары и устранители постигшей бѣды. Только они учили не порядкамъ божескимъ, а разнымъ несчастливымъ, ненужнымъ обычаямъ и обрядамъ. Всѣ эти обычаи и обряды, моленія и умилоствленія и составляли культъ поклоненія киреметямъ. Такъ люди поклонялись: ириху, почитали водяного отца и водяную мать, домовыхъ умилоствовали, разные чуки, чуклемы (моленія, соединенныя съ пиршествами), учуки справляли; деньги, оловашки, свѣчи бросали; хлѣвную кашу дѣлали; много было и другихъ обрядовъ, которые отправлялись старыми людьми для умилоствленія киреметей. Эти обряды справлялись, да и теперь многими справляются въ разное время и съ разной цѣлю; нѣкоторые — ежегодно, въ одно извѣстное время; таковы: учукъ, чуклема, чукъ, синзе; а нѣкоторые — только во время разныхъ нуждъ: заберется въ домъ болѣзнь какая, случится падежъ скота и др. разные бѣды. Всѣ эти случаи, все, что ни приключится, что ни постигнетъ, что ни привяжется, — все это, думали люди, шло отъ киреметей, отъ ихъ дѣйствія. Если же придется за что-нибудь умилоствовать киреметь, то сами одни, безъ йомзей⁵⁾, не могли хорошенько разузнать, отъ чего извѣстная бѣда приключилась: отъ воды ли, отъ порчи ли людей, отъ того ли, что ирихъ схватилъ, или отъ того, что какая нибудь киреметь осталась неудовлетворенной; всегда обращались къ йомзамъ. Обращались къ нимъ во всякое время, не разбирая:

⁵⁾ Нѣкоторые, такъ сказать семейные, изъ года въ годъ повторявшіеся обряды, отправлялись безъ участія йомзей.

въ сѣнокосѣ, въ жнитво, въ праздники; и въ голову не приходило, что дорогое время пройдетъ даромъ, лишь-бы какъ нибудь освободиться отъ несчастья. Йомзѣ дѣлалъ видъ, будто онъ давно зналъ о томъ, съ какой просьбой обратится явившійся къ нему человѣкъ, и начиналъ наставлять, что нужно дѣлать. Тогда-то такой воды, такого-то родника испугался, — въ него надо хлѣба крошить; тогда-то у такого-то родника смѣялся, — туда нужно яйцо искрошить; такой-то шаберъ (сосѣдъ) заклиалъ, — это надо отклясть; тогда-то въ церкви поставленные свѣчи не угодили, — это дѣло надо исправить; тогда-то у такой-то киремети, съ такимъ-то человѣкомъ ругался или смѣялся, — киреметь надо умиловить; около такой-то рѣки киреметь разгнѣвалась, — надо въ еердцѣ расположить и т. п. И всѣ слова йомзи, все, что и какъ онъ велѣлъ сдѣлать, исполнялись въ точности. Если разъ принесена жертва или справленный какой обрядъ не помогли дѣлу, то обращались къ другому йомзю и дѣлали по его совѣту. Йомзей было въ каждомъ селеніи не менѣе трехъ. Когда побывали у всѣхъ йомзей своихъ и окружныхъ деревень, а дѣло не налаживалось, тогда люди отпраплялись къ самому знатнѣйшему йомзи, верстъ за 40—60; для знаменитости ничего не жалѣли: чего попросить, то и давали, лишь бы только дѣло исправилъ. Такъ сильно вѣровали въ йомзей старинные люди. Такъ обманывали йомзи старыхъ людей. Чего-чего ни дѣлали люди, вѣруя въ нихъ и слушаясь велѣній йомзей. Но все это дѣлали люди по своему невѣжеству и изъ уваженія къ старинѣ; какіе обычаи и обряды были у отцовъ и дѣдовъ, тѣ же унаслѣдовали и потомки. „То, что дѣлали отцы и дѣды, какъ мы можемъ оставить; хотя они не знали того-сего, а всетаки жили богато“. Этимъ отговариваются и теперь люди, исполняющіе старые обряды“.

„Такъ, переходя отъ родителей къ дѣтямъ, отъ одного рода къ другому, и уцѣлѣли среди чувашскаго народа до настоящаго времени старые языческіе обычаи и обряды. Хотя ихъ теперь исполняютъ не всѣ чуваша, но всетаки много еще и исполняющихъ. У здѣшнихъ чувашъ уцѣлѣли слѣдующіе обряды и праздники“.

Чуклема (Туклеме туни).

„Этотъ обрядъ исполняется ежегодно осенью предъ выпаде-
ніемъ снѣга, по уборкѣ хлѣба. Какъ начнетъ приближаться время
празднованія чуклемы, люди варятъ пиво. Наканунѣ праздника
посылаютъ звать родственниковъ и свойственниковъ. На другой
день съ ранняго утра готовятъ всякія кушанья. Когда званные
соберутся, на столъ кладутъ коровай ситнаго хлѣба и непоча-
тый чигитъ (чувашскій сыр); предъ иконой зажигаютъ восковую
свѣчу. Всѣ встаютъ на ноги, обращаются къ переднему углу и
каждый про себя, своими словами, молится Богу. Глава семей-
ства или же изъ гостей самый старый молится вслухъ слѣду-
ющими словами: „Домашнему скоту дай, Боже, здоровья! Дай,
Боже, миръ! Сохрани отъ огня-жара (отъ пожара)“. Помоли-
вшись такимъ образомъ, всѣ садятся на мѣста, и начинается
пиръ. Попировавъ у одного, отправляются къ другому. А въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ Богу молятся иначе: отворяютъ двери и,
обратясь къ двери (каждый молясь про себя Богу), выпиваютъ
по чапашкѣ пива, а одну чапашку съ пивомъ оставляютъ у
стола на стулѣ; эта чашка называется — кив капан (старая копна).
Кончивши молиться Богу (обратясь къ двери), выпиваютъ по
другой чапашкѣ пива; для всѣхъ гостей употребляется только
одна чапашка, и пьютъ изъ нея одинъ за другимъ по порядку;
когда чапашка обойдетъ всѣхъ гостей, наливаютъ въ нее еще
пива и ставятъ на полати. „Это доля хѣрт сурт (домового), —
говорятъ, — пусть и онъ съ нами пьетъ и ѣстъ: лучше домъ
нашъ побережетъ“. Послѣ чуклемы празднуютъ „кѣр сѣри“⁶⁾
(осеннее пиво), а послѣ кѣр сѣри дѣлаютъ „карта пѣтти“
(хлѣвную кашу)“.

Хлѣвная каша (Карта пѣтти туни).

„Предъ „карта пѣтти“ предварительно пекутъ сдобный
ситный хлѣбъ, но хлѣбъ не обыкновенный, а похожій на чело-

⁶⁾ Кѣр сѣри празднуется съ тѣми же обрядами, какъ и чуклема.
Кѣр сѣри скорѣе придирика пображничать лишній разъ, до чего чуваше
большіе охотники.

вѣческую фигуру съ головой, носомъ, глазами и пупкомъ; фигуру эту для украшенія насѣкаютъ со всѣхъ сторонъ лезвиемъ ножа; потомъ варятъ кашу. Когда каша сварится, то въ серединѣ ея дѣлаютъ углубленіе для масла. Затѣмъ всѣ семейные, взявши каждый для себя ложку, вмѣстѣ съ кашей идутъ въ хлѣвъ. Въ хлѣвѣ котелокъ ⁷⁾ съ кашей ставится на землю, и каждый свою ложку втыкаетъ въ кашу. Въ хлѣвѣ же приносятъ человекообразный хлѣбъ и лепешку. Потомъ отъ хлѣба и лепешки отщипываютъ маленькіе кусочки; отщипленные мѣста еще вырѣзываютъ ножомъ и всѣ эти (отщипленные и отрѣзанные) куски кладутъ по угламъ хлѣва, а часть отдаютъ скотинѣ; затѣмъ молятся Богу, говоря: „Господи, помилуй! Храни, Боже, скотину, дай ей здоровье и благополучіе! Пусть одинъ конецъ (стада) будетъ у хлѣва, а другой у водооя! Сдѣлай её сытою, размножай!“ Во время молитвы шапки держатъ за пазухой. Послѣ молитвы всѣ понемножку ѣдятъ принесенные хлѣбъ, лепешку и кашу, а потомъ все вносятъ въ избу и тамъ уже наѣдаются до-сыта“. Кромѣ „карта пѣтти“ еще бываетъ:

Поклоненіе хлѣву (Картана пуѣсапас йѣла).

„Какъ и „карта пѣтти“, „карта пуѣсапас йѣла“ справляется за здоровье лошадей, коровъ и овецъ. И въ этомъ случаѣ варятъ кашу, заустивши въ нее три фунта масла; когда сварится, кашу въ котлѣ выносятъ на средину хлѣва и ставятъ на землю; положивши шапки за пазуху, начинаютъ молиться такъ: сначала произносятъ три раза — „Господи, помилуй!“, а потомъ говорятъ: „О, Господь Богъ! храни скотину отъ волковъ. храни отъ огня-жара, храни отъ всякаго зла, храни отъ гнѣва и ярости“. Помолившись такимъ образомъ, разводятъ около котла съ кашей костеръ; на горбушку хлѣба кладутъ немножко каши и бросаютъ въ огонь, говоря: „пусть будетъ намъ счастье“.

⁷⁾ Чугуны и горшки чувашами совсѣмъ не употребляются: для приготовления пищи—ишки, каши и пр.--служитъ одинъ вмазанный сбоку печи небольшой котелъ, съ очагомъ подъ нимъ. Котелъ, въ случаѣ надобности, можно вынимать изъ своего мѣста.

во всякой скотинѣ: въ лошадахъ, коровахъ и овцахъ. Всякій гнѣвъ, ярость и бѣда пусть сгораютъ въ этомъ огнѣ“. Потомъ каждый съѣдаетъ по одной ложкѣ каши, доѣдаютъ же ее въ избѣ. Если подвернется при этомъ посторонній человѣкъ, то кормить кашей и его“.

Н. Поврускій.

(Продолженіе будетъ).

Симбирская Губернская Ученая Архивная Комиссія.

(ЕЯ ЗАДАЧИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ).

(Окончаніе).

Изъ „журналовъ“ засѣданій Комиссіи читатель узнаетъ и другія многія прекрасныя свѣдѣнія.

Въ „журналѣ“ пятого засѣданія находится, напримѣръ, сообщеніе незабвеннаго инспектора Симбирской духовной семинаріи, бывшаго дѣйствительнымъ членомъ Комиссіи, М. В. Барсова о первоначальныхъ обитателяхъ и владѣльцахъ Усольскаго края, Сызранскаго уѣзда, въ первой половинѣ XVI и во второй половинѣ XVII вѣка, на основаніи церковно-приходской лѣтописи, составленной въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія села Усоля протоіереемъ Преображенскимъ. Докладъ М. В. Барсова важенъ и какъ указатель того матеріала, — „церковныя лѣтописи“, — который можетъ приносить Архивной Комиссіи великую услугу.

Изъ доклада бывшаго товарища предсѣдателя Комиссіи И. А. Иванова ²⁸⁾ видно, что въ селѣ Промзинѣ, Алатырскаго уѣзда, хранится серебряная дароносица, которая, по преданію, составляла вкладъ царя Іоанна Грознаго, что подтверждается имѣющеюся на ней старинною надписью: „дароносица государевы казны“. На половинкахъ дверецъ дароносицы со внѣшней стороны вырѣзаны вверху изображенія на одной сторонѣ Распятія,

²⁸⁾ Журналъ 2 засѣданія Комиссіи.